

беларусаў за святочным сталом: “І зелле вяселля / Продкі пілі: / Мой – квартай, / А твой – напарсткам” [1, с. 64]. Жыхароў Падзвіння Р. Барадулін паказвае людзьмі, што ўмелі працаваць, адпачываць, сябраваць, добра ведалі высокую цану кароткаму адпачынку ад паўсядзённых клопатаў.

Этнакультурная адметнасць Падзвіння першых трох дзесяцігоддзяў пасляваеннага часу ярка ўвасобілася ў кнізе паэзіі “Вечалле” Рыгора Барадуліна. Паэт раскрыў асаблівасці ландшафту, складу насельніцтва, роду яго заняткаў землякоў, выявіў этычныя імператывы жыхароў рэгіёна, паказаў наступствы Вялікай Айчыннай вайны для далейшага існавання Падзвіння. Для перадачы этнакультурнай адметнасці Падзвіння Р. Барадулін абапіраўся на біяграфічны матэрыял і шырока ўжываў у мастацкай мове твораў назвы прадметаў побыту, дыялектызмы (тхло, наледзь, шэрас, бацян, смалякі, ужна, уасачэлы). Кніга паэзіі “Вечалле” – удалая спроба мастацкай рэпрэзентацыі і мемарыялізацыі Падзвіння 1950–1980-х гадоў у беларускай літаратуры канца XX стагоддзя.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Барадулін, Р. Вечалле : кніга паэзіі. / Р. Барадулін. – Мінск : Маст. літ., 1980. – 336 с.

POETRY AS A MEANS OF COMPREHENDING THE ETHNOCULTURAL ORIGINALITY: ON THE MATERIAL OF THE BOOK “VECHALLYE” BY RYHOR BARADULIN

V. BAROUKA

Ethnocultural features Padvinnya postwar vividly embodied in the book of poetry «Vechallye» Ryhor Baradulin. Poet revealed features of the landscape, the composition of the population, kind of his occupation, found the ethical imperatives of the region's residents, showed the effects of the Great Patriotic War for the continued existence of the move over. R. Baradulin for transmitting ethnocultural features move over relied on biographical material and is widely applied to works of art language dialect. Book of poetry «Vechallye» – a successful attempt to present and memorialization move over 1950-1980-ies.

Key words: Ryhor Baradulin.

УДК 398.1

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ФОЛЬКЛОРНАЯ ПРОЗА КАК ФОРМА ОТРАЖЕНИЯ АРХАИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ МИРА (К ИЗДАНИЮ МИФОЛОГИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ ПСКОВСКО-БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ)¹

Большакова Н.В.

Российская Федерация, Псков

Площук Г.И.

Российская Федерация, Псков

Статья посвящена итогам исследования комплекса экспедиционных текстов сказочной фольклорной прозы южной и юго-восточной историко-культурных зон Псковщины, граничащих с территорией Белоруссии. Традиция бытования мифологических рассказов раскрывается на материале более чем 350 текстов из псковского фольклорно-этнографического архива. Собрание экспедиционных текстов и их научное описание представлены в изданной монографии «Мифологические рассказы псковско-белорусского пограничья» (Псков, 2021). Статья знакомит с основными принципами публикации сказочной фольклорной прозы данного региона, на основе аутентичного повествовательного дискурса раскрывает особенности мифологического сознания носителей старой традиции, показывает признаки трансформации культурно-языковых форм к концу XX – началу XXI века. Особый акцент в статье делается на теме детства в дискурсе мифологического нарратива. Показана вовлеченность детей в мифологическую сферу, пути освоения младшим поколением локальной мифологической традиции и представленной в ней картины мира.

Ключевые слова: мифологические рассказы, псковско-белорусское пограничье, проклятия, проклятые дети, мифологическое сознание.

Введение. Историко-культурный и языковой ландшафт псковско-белорусского (псковско-витебского) пограничья представляет собой уникальное явление, население которого по разные стороны современной государственной границы в различные исторические эпохи переживало сходные процессы. Территорией контактирования Псковской области с Республикой Беларусь является южнопсковский регион, пространство которого охватывает три района, непосредственно граничащие с Белоруссией: Себежский, Невельский и Усвятский. Однако черты псковско-белорусского сходства системно прослеживаются и в других районах, примыкающих к югу исконной территории древней Псковской земли, а именно в Новоскольническом, Пустошкинском, Великолукском и Куньинском. Таким образом, территория псковско-белорусского контактирования разной степени глубины охватывает почти целиком семь районов Псковской области, доходя до южной границы историко-культурной зоны Псковского ядра.

Мифологические рассказы псковско-белорусского пограничья из собрания фольклорно-этнографического архива Псковского государственного университета записаны в южнопсковских районах Псковской области в период с 1977 по 2010 год.

Возраст информантов, опрошенных в 7 южных районах Псковской области, находится в диапазоне от 1890 до 1964 г. р. Таким образом, материалы в совокупности отражают состояние мифологической традиции псковско-белорусского пограничья в период от 1900-х XX в. до 2000-х гг. XXI в. включительно.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-512-00003 «Субкультура детства в дискурсе устной истории, языке и фольклоре Витебско-Псковского пограничья XX – начала XXI века».

В самом начале 2021 г. вышла из печати 1 часть монографии, посвященной быличкам и бывальщинам, записанным на южнопсковской территории [1]. Издание включает тексты мифологических рассказов с аудиоприложением и исследовательский материал.

В псковском фольклорно-этнографическом архиве повествования о мифологических персонажах представлены более чем в 350 текстах (по материалам указанного издания). Наиболее значительную часть корпуса мифологических рассказов из фонда псковского архива составляют рассказы о «знающих» (ведьмах, колдунах, знахарях). Достаточно хорошо представлены рассказы о домовом, чертях, покойниках. Меньшее количество записей отражает повествования о духах природных пространств (лешем, водяном, русалках), о проклятых, змее, о кладах, цветущем папоротнике. Несмотря на относительную репрезентативную неравномерность, тексты содержат интересные версии и варианты характерных для мифологических рассказов мотивов и сюжетов.

Источники и методика исследования. Источником материала исследования служит созданный в середине 1970-х гг. XX в. псковский фольклорно-этнографический архив, который сейчас является значительным по объему, разнообразию, тематической, ареальной и хронологической представленности объект нематериальной культуры Псковского региона. Собранные в нем фольклорные материалы (песенный, обрядовый фольклор, сказки, несказочная фольклорная проза – легенды, предания, мифологические рассказы, детский фольклор и т. д., записи, относящиеся к произведениям так называемого «постфольклора») составляют более 2 тыс. рукописных тетрадей, большей части которых соответствуют единицы аудиофонда, полностью переведенного в цифровой формат (общий объем 60,8 ГБ, 1055 часов звучания). Архив хранится в научно-образовательной лаборатории «Социогуманитарная регионика» Псковского государственного университета, где уже осуществлена серия изданий на основе жанрово-тематического принципа [2, 3, 4, 5].

После осуществления предварительной, довольно трудоемкой, работы (выявление материала по рукописной части архива и указателям, сегментация фрагментов, компьютерный набор, выверка расшифровок по звуку) проведена атрибуция текстов.

В изданной части монографии публикуются тексты мифологических рассказов о духах природного и домашнего пространства (лешем, водяном, русалке, домовом), а также тексты, посвященные черту – нелокализованному (вездесущему, свободно перемещающемуся из локуса в локус) персонажу, занимающему центральное место в славянской мифологии.

Соответственно тематическому принципу выстроены разделы первой части книги, где публикуются тексты. В основу систематизации текстов внутри тематических разделов положены указатели С. Г. Айвазян [6], В. П. Зиновьева [7] и другие. При установлении последовательности текстов внутри сюжетно-тематической группы учитывается ведущий мотив повествования. В комментариях указаны сопутствующие ему мотивы.

В исследовательской части издания раскрываются атрибуты мифологических персонажей: их внешние признаки, места обитания, взаимодействие с человеком и т. д. При этом составители в основном опирались на схему описания мифологических персонажей, рекомендованную этнолингвистами Института славяноведения РАН, авторами-составителями четырехтомного сборника «Народная демонология Полесья» [8, 9, 10, 11, 12], пятитомного этнолингвистического словаря «Славянские древности» [13].

Результаты исследований, посвященных отдельным мифологическим персонажам, по данным фольклорно-этнографического архива ранее были опубликованы [14, 15, 16, 17]. В настоящей статье центром изучения являются тексты мифологической прозы, содержащие тему проклятия, распространяющегося прежде всего на детей. Тема проклятия как разновидности зложеланий признается актуальной из-за недостаточной исследованности ее как на русском [18], так и на белорусском [19] материале.

Дети в поверьях псковско-белорусского пограничья о проклятых людях. Тематическую группу записанных на территории псковско-белорусского пограничья повествований о проклятых (22 текста) составляют разнородные в жанровом отношении нарративы: поверья, былички, рассказ этнологического характера, сказка-бывальщина, сказка. Все тексты объединяет лежащее в основе сюжета представление о силе проклятия, которое, по народному поверью, имеет негативные последствия для проклинаемых и для проклинающих. В большинстве повествований разрабатываемая соответственно законам жанра тема проклятых так или иначе касается детей.

По представлениям сельского населения исследуемой территории, как это характерно и для общерусской традиции, проклятия бывают намеренные и нечаянные.

Преднамеренные проклятия. В материалах псковского пограничья имеются три повествования о проклятии, произносимом с целью нанесения вреда. Согласно двум из них, при намеренном проклятии, словесная формула, содержащая пожелание бед и несчастий, сопровождается ритуалом, призванным усилить магию проклятия. В третьем тексте содержится лишь сообщение о факте преднамеренного проклятия и его последствиях, вербальная формула проклятия и описание сопровождающего ее ритуала опущены. К детской теме имеют отношение два рассказа: о последствиях преднамеренного проклятия в адрес молодоженов и в адрес беременной женщины.

Бездетность как следствие проклятия. В традиционном народном сознании многодетная семья воспринималась как норма, отсутствие детей – как тяжелая аномалия, следствие вмешательства злых сил. В одной из псковских быличек словесная формула проклятия, имеющего целью негативное воздействие на чадородие молодых, сопровождается ритуальным действием, в основе которого лежат отмеченные в литературе [20, с. 60] характерные для народной традиционной культуры представления о связи дерева с человеком, его телом, категориями жизнедеятельности, судьбой и т. д.): «Помню, жила у нас в доме женщина, Бандурова звали, Анастасия. Все называли ее колдуньей. Может, это и правда. Вот пример: свадьба была у Толика, соседа нашего. Отец Толика и тетка Настя вечно ругались. Вот она и решила через сына насолить отцу. Как только молодые на крыльцо вышли, чтобы зарегистрироваться ехать, как она залезла на березу и топором сучки рубить стала! Обрубила все – это чтоб у них детей не было. А было ей уже за 90 лет! И правда, долго у них не было детей. Она ещё и приговаривала: “Да чтоб вовек у вас детей не было! Не видать тебе внуков! Не видать!” Сколько врачей прошли! Потом к гадалкам ходили, ездили! А им в ответ: “Это вам сделано!” Пока одна бабуля сглаз не сняла. Одна дочь только и родилась» (Нев. Бойково 2000).

Последствия проклятия в адрес беременной женщины. Самые трагические последствия для судьбы будущего ребенка наступают, если проклятию подвергается беременная им мать. У ожидающей двойню молодой женщины в рассказе,

запісаным в Себежском районе, есть все предпосылки для счастливого материнства и семейного благополучия: «А вот там жила девушка молоденькая с Себежа. Интересная, хорошая, любимая!» Проклятие «поганого человека» в ее адрес приводит к трагедии: «вот такие люди поганые, <...> Они проклинуть, и потом семейную жизнь и беременность... Ой, есть поганые люди, ой, поганые!» «[Ее] свёкор женился на чужой женщине и в Росе, рядом, всё рядом, рядом, в Росе. И тая женщина сильно прокляла эту девочку Нину, прокляла. А она беременная ходила, <...> двойня была. <...> И что получилось? Родила безо время, <...> неживого ребёнка сразу одного мальчика, второй живой остался, живой остался второй. А второй... оказался рак кишек в его <...> А как хотел он жить! Маленький, водичку [заговоренную] даже пил, как понимал! Я говорю, ну, разрушенья кишки в маленького, даже съисть никово, ты понимаешь?! Он умер» (Себ. Птушкино 2006).

Непреднамеренные проклятия. Основная часть повествований о родительском проклятии (19 из 22) – былички о последствиях непреднамеренного проклятия. Неумышленными являются проклятия, высказанные без желания причинить вред; по сути речь идет о приравненной в народном сознании к проклятию «черной» (с упоминанием нечистой силы) брани, неосторожно, сгоряча брошенной в раздражении или гневе. Непреднамеренные проклятия никогда не сопровождаются ритуальными действиями.

Условия, при которых реализуется случайное проклятие. Известно, что по народным представлениям, отразившимся в разных локальных традициях, действительно не всякое неосторожно произнесенное злое слово. Все зависит от того, кто, где и когда его произносит. «Отношения участников коммуникативной ситуации должны быть изначально неравными, один из них должен обладать властью и контролем над другим. Этому условию отвечают прежде всего отношения “родитель – ребенок”, а также соответствующая им пара “хозяин – скотина”. Механизм действия проклятия при этом можно описать как передачу находящегося под контролем более высокого по статусу в руки нечистой силы» [21].

Имеют значение locus и время произнесения «черного слова», особенно в форме отсылки/пожелания. Опасен хронотоп, имеющий в традиционной культуре статус «порогового», контактного для мира человеческого и мира нежити. Таковы ночь, баня, подпол, подпечек: «В бане ночью ругаться, ходить нельзя. Одна мыла своего ребенка, ругалась: “Как б тебя черти ухватили!” Пришла дочка яе. Она и дает ей ребёнка. Чего доругалась: сделалась как дочка! А та приходит домой и спрашивает: “А где ребёнок?” – “Так я уж отдала тебе!” – “А когда?” А кому отдала? Нигде нет!» (Нев. Боярское 1984).

Выбранный «черным словом» находящийся в подпечке / в подполе ребенок попадает под власть нечистой силы и исчезает: «А раз матка послала ребятенку в подпечек: “Лезь”, – говорит. Ну и полез. А долго что-то. “Скоро ты там, чёрт тебя ухвати?” И ухватил чёрт, ребятенку не нашли» (Себ. Пустошка 1991); «А пекла баба блины. Скворонник провалили ребёнок под пол как-то. Яна: “Лезь под пол, чёрт, за скворонником!” Так мальчик и пропал» (Нев. Бойково 2000).

По поверью, черт не может похитить ребенка, если на нем надет крест: «Кого с крестом, не брал, а кто без креста – уведёт!» (Усв. Пахомовичи 1977).

Последствия непреднамеренного родительского проклятия для судьбы ребенка. Персонажи большинства рассказов о случайном материнском проклятии – дети определенной возрастной категории: младенцы в люльке и маленькие дети, еще не включенные в трудовую деятельность крестьянской семьи. Ситуация, порождающая случайное проклятие, – младенец надоедает плачем, маленький ребенок мешаает матери работать [22, с. 32].

По народным поверьям, непреднамеренное, брошенное в запальчивости родительское проклятие может иметь тяжелые последствия для судьбы ребенка. «Черное» слово лишает ребенка счастья, отнимает здоровье и жизнь: «Раньше старики всё говорили: “Лучше побей ребёнка, чем худым словам назови: счастье отнимаешь!”» (Нев. Щербино 1979). Проклятый ребенок «болеет-болеет» и умирает: «его судорога сводит, он плохо говорит, у его памяти никакой нет, плохо кушает и со временем он умирает. Это надо обязательно искать такую бабу, которая заговаривает. Вот заговоры делают, заговаривают от этого всего... от проклинания» (Себ. Литвиновка 2006); «(И что тогда с таким [проклятым]?) – Ну, болеть [будет] и помрёт» (Себ. Птушкино 2006). Если ребенок постоянно болеет – это, по убеждению носителей традиции, следствие того, что ребенка проклинали родители: «Ну, мать, говорит, своего дитёнка прокляла. (И что случилось?) Что получились... болел всю-всю жизнь ребёнок. Ну. Это, говорит, всё материнское проклятие» (Пуст. Кисели 2005).

По народным представлениям, проклинать ребенка – грех и проклинавший будет отвечать на том свете перед Богом: «(А матери потом что?) А что матери становица? Матери ничего ни становица. Мать на том свете будет отвечать Богу» (там же).

Неосторожное слово. «Подменыш». По сути, в основе всех повествований о непреднамеренном проклятии лежит представление о последствиях неосторожного нарушения запрета на «черную брань» (упоминание нечистой силы). «Черная брань» в форме раздраженного обращения, недоброго пожелания или «отсылки» приводит к неожиданным, нежелательным для бранимого и бранящегося последствиям: проклятие реализуется мгновенно – ребенок тут же исчезает: «Каким веком было, не помню. Матка в бане мыла ребятенку, ждала мужика... отдать. Высунула в дверь: “На ты, чёрт ты несчастный! Скоро ты, чёрт? Возьми ребёнка!” Чёрт его и взял» (Себ. Пустошка 1991); «Бывали случаи, когда дети пропадали, если чёрта вспомнят. Так, одной женщине надо было корову доить, а дети есть у нее просили, а она на них: “Надоели вы мне, пошли вы к чёрту!” Подоила корову, пришла, смотрит: пропал ребёнок!» (Кун. Татуи 1983); «Баню топили. Тогда яна и говорить. Взяла яна, пошла дятё это, рябенку мыть [и говорит мужу]: “Чёрт, приходи за рябенком в баню! Долго раз ня будь, а приходи!” Ну. Яна яще не помыла ребёнка, приходит: “Скоро ты, ай не?” – “Сейчас!” Ну, справила рябенку, надела и отравила, отдала. А это ня ён был, а чёрт! Приходить после мужик: “Ну, помыла ты?” – “А ты ж брал!” – “Кода я брал? Я ня брал!” Чёрту и отдала. Вот как!» (Кун. Наумово 2007).

Только с младенцами связан известный мифологический сюжет о «подменыше». Подменыш – подложенный нечистой силой взамен похищенного ею из люльки неосторожно проклятого родителями младенца чертенок, чурка, веник и т. п., которые принимают облик ребенка; подменыш не растёт и в течение многих лет мучает ни о чем не догадывающихся родителей малыша непрерывным криком. Обычно повествование завершается избавлением от подменыша. Сюжет может развиваться двояко. От подменыша избавляет: а) «знающий человек», понимающий и открывающий людям истинную природу подменыша, например, топором ударяет мнимого младенца, подменыш принимает свой истинный вид (полена); для этой версии пол ребенка, очевидно, не имеет значения и обычно не уточняется; б) во втором случае неосторожно проклятый в люльке младенец – всегда девочка. Проклятая живет у черта до брачного возраста, вступает в брак, является к родителям и избавляет их от подменыша, разрубив его топором, после чего подменыш принимает свой настоящий вид (полена) либо

исчезает. По данным словаря «Славянские древности», представления о подменшыше наиболее широко известны в западно-европейской демонологии, в поверьях западных славян, а в восточнославянской традиции распространены на Русском Севере, в северо-западных областях Белоруссии и в карпато-украинской зоне [23, с. 98–99].

В невельской версии сюжета о подменшыше («проклёныше»), относящейся ко второму типу, рассказчица подчеркивает идею Божьего наказания родителей, проклявших свое дитя: проклятого ребенка, девочку, подменяют и воспитывают до брачного возраста не черти, а ангелы. Ангелы уносят девочку с собой, подменив ее чертенком. Измученных родителей избавляет от подменшыша посетившая их через 20 лет дочь-невеста, ударив топором крест-накрест по порогу (Нев. Лобок 1987).

Повествование представляет собой один из образцов переходной жанровой формы. Свойственный бывальщине о подменшыше сюжет завершается невинтно представленным мотивом, характерным для сказок о чудесном бегстве, заканчивающихся эпизодом «Забывтая невеста» (Нев. Лобок 1987).

Локус проклятых – пространство, воспринимаемое традиционным сознанием как «нечеловеческое», соотносимое с «иным миром» или рубежное с ним. Оно может быть названо или не названо, но при этом подразумевается: проклятого забирает к себе мифологический персонаж. В псковских текстах в качестве природных локусов проклятого указываются лес и река/берег реки – в традиционной культуре последний рубеж, преодолев который, человек попадает в иное пространство и оказывается во власти нечистой силы.

Из леса выходят проклятые навстречу человеку просить креста в надежде избавиться от проклятья и вернуться в мир людей: «Петька рассказывал. Пасёт он коней, а из лесу к нему три девки выходят, надеты как обычно, плачут, молят: “Дай нам крест! Мы прокляты. Нас выпускают раз в год. Вот нам осталось час здесь быть!” Не дав он крест, побоялся. Они так и ушли, пропали» (Нев. Щербино 1979). В лесу на верхушке дерева оказывается проклятое по пустяковому поводу дитя: «Дарья, соседка моя, рассказывала. Видела в лесу на верхушке дерева дитя сидит и приговаривает: “Моя матка меня проклала за кусочек теста!”» (Нев. Щербино 1979). Еще один текст, содержащий мотив проклятого матерью за комок теста ребенка: «А вот и говорили ещё раньше, раньше, ещё молодая была. “Прокляла меня мать за комок теста!” Ещё раньше это говорила. (И что тогда с таким человеком?) Ну, болеть [будет] и помрёт» (Себ. Птушкино 2006).

У реки слышится плач в сердцах выбранного матерью черным словом и вдруг исчезнувшего ребенка. Мифологический персонаж, во власти которого оказывается проклятый ребенок, в этом повествовании предстает в облике старика, что обычно и для других локальных традиций: «<...> Пошёл мужчина какой-то рыбу ловить на речку и слышит голос человека, не то визгает, не то плачет. Испугался мужик, побегал за людьми, приходят они, и нашли этого [проклятого] мальчика. Спрашивают: “Что ты здесь делаешь, как попал сюда?” А он говорит: “С дедушкой жил”. <...>» (Кун. Татуи 1983).

Похищенный нечистым вследствие неосторожного слова родителей ребенок оказывается в параллельном, «тонком», мире, соседствующем с человеческим, но невидимом для человека: родители слышат детский плач, но самого ребенка не видят: «Жила семья. Муж, жена и маленький ребёнок у них был. В субботу пошёл мужик у баню, потом пришёл, лёг. Она пошла и ребёнка понесла, а ему говорит: “Приди потом за ребёнком!” Вымыла ребёнка и кричит: “Ходи, ребёнка бери!” – “Иду!” Отдала, и не видела кому, а сама моется. Пришла домой, а в люльке нет никого. “А ребёнок?” – “Не знаю” – “А ты не брал?” – “Нет!” А потом учуть [‘слышат’]: плачет, а не видать, где» (Усв. Пахомовичи 1977).

Случайное материнское проклятие распространяется на внуков. Родительское проклятие распространяется и на потомство проклятого. Рассмотрим повествование на известный в русской мифологической традиции сюжет «Баба принимает роды у жены черта». Вследствие порожденного дурным характером матери проклятия дочь попадает во власть нечистого и оказывается «в положении от черта». Она плачется на судьбу приглашенной принять роды повитухе («Бабонька, я проклята, чёрт у меня будет!»), молит о спасении («Спасите меня, бабонька, отсюда!»). Из текста следует, что рождение чертенка у женщины обусловлено не столько сожительством с чертом, сколько является следствием материнского проклятия. В традиционном народном сознании проклятый, которого нечистый уводит в мир нелюдей, тоже становится нелюдьё (о чем в быличке свидетельствуют в частности «шаклатость» и слепота проклятой женщины), и рожденный проклятой ребенок – также нежить (чертенюк). Проклятая становится человеком и прозревает при переходе из мира нелюдей в мир людей, что происходит в момент освобождения от проклятия; одновременно с избавлением женщины от проклятия и ее переходом в мир людей снимается проклятие и с ее новорожденного младенца – он становится обычным человеческим ребенком: «<...> идёт она, шаклатая такая. А бабка эта как была, так раз – и накинула ей [крест шею]! А та, говорит, сразу же стала видеть: “Ой, – говорит, – как стало легко!” Сразу же стала человеком. <...> Она [освобожденная от проклятия] стала жить и с ребёнком [среди людей]» (Кун. Слепнёво 1996).

Происхождение кукушки и кукования вследствие материнского проклятия. Поверье о необратимых последствиях материнского проклятия, лежит в основе бытующих в разных (в том числе псковских) локальных традициях этиологических повествований о кукушке-проклятой матерью дочери или сыне. В славянской традиции известны этиологические легенды, в которых «кукушкой становится дочь, проклятая больной матерью за нежелание принести ей воды (болг. пловдив.), или сама больная мать с горя, что дети не подали ей воды (бел. гомсл.)» [24, с. 36–37]. Подобное повествование есть и в псковском собрании. Текст объясняет происхождение особенностей болотистой местности в окрестностях деревни: «Мать заболела и просила пить, но дети заигрались. Мать сделалась кукушкой и полетала по болотам. Дети заплакали и побежали следом. Они себе все ноги изрезали, [но мать так и не вернулась]. И вырос красный мох» (Себ. Асташково 1991) [25, с. 219, № 225]. См. также поверье о кукушке-проклятом матерью ребенке, зафиксированное псковскими экспедициями в Палкинском и Пыталовском районах Псковской области: «(Почему кукушку называют проклёнышем?) Яная [мать] ругается на дитё и го[вори]т... Проклятый уже, няшчасный дятё» (Пыт. Максимково 1999.) [25, с. 219, № 235. См. также: №№ 230; 232; 234, 236]. Поверья о кукушке-проклятой дочери, записаны экспедицией Фольклоро-этнографического центра Санкт-Петербурга в Новосокольническом и Печорском р-нах [26, т. I, с. 400, № 15; т. II, с. 179]. Из содержания единственного имеющегося в материалах по псковско-белорусскому пограничью записанного в Себежском районе этиологического повествования о происхождении кукушки и ее кукования трудно судить о возрасте проклятого сына. Рассказ представляет собой версию, включающую в качестве причины материнского проклятия мотив пропажи ключей, отмеченный также в Сербии, белорусском Полесье и на Смоленщине [24, с. 36]. В отличие от бытующих в названных регионах повествований, в которых ключи теряют или крадут у брата сестра, в наказание за что и превращается в кукушку [там же], в себежской версии пропажа ключей оказывается мнимой, и тем более трагичными выглядят необратимые последствия брошенного в гнев злого слова. И про-

клятый матэрыю сын, і яго маты прэварааюцца в кукушк. Кукуаюаа кукушка – ато гарюаюа маты, неустанно напросно зовуаюа проклятоа аю по ничтоаюноу поводу сына. Поверья об обоюдноу силе родителскоау проклятия являюаюаа, по народным поверьям, тяжелым грехом перед Богом и преступлением по отношению к ребёнку, известны в восточнославянской традиции. «Говорила мама моя, что у матери был сын, Якуб звали этого сына. Ну, и сын как бы, я не знаю, ушёл он куда-то, двери закрыл, а ключ куда-то положил. И мать не могла этот ключ найти. И когда мать пришла домой – ключа нет! Ну, раньше, говорят, что можно было проклясть человека, вот, примерно, что она начала его клясти, что, “чтоб ты провалился, ты куда-то от меня делся!” Ну и вот, и он якобы, вот этот вот Якуб, превратился в кукушку. А когда она посмотрела, куда они всё время ключ клали, – ключ на месте. Она вышла и начала его звать, что, мол... и вот она и кукует: “Ку-ку, ку-ку!”. Она и говорит: “Якуб, ключ тут, ключ нашёлся!”. А он уже всё! Вот так вот получилось... это кукование. Ну, так мама говорила, правда это – не правда...» (Себ. Литвиновка 2006) [25, с. 221, № 228].

Младенец, проклятый в утробе матери. Псковский архив не располагает записями мифологических повествований о младенцах, проклятых в утробе матери, таких, какие, например, бытуют в Ульяновской области (в результате проклятия плод в чреве матери превращается в головешку, женщина рождает головешку) [22, с. 27].

Единственный имеющийся в псковском собрании текст, содержащий мотив проклятого в утробе ребенка, представляет собой версию знаменитой благодаря Аксакову сказки «Аленький цветочек». Народные представления об истоках счастья и несчастья в человеческой судьбе нашли яркое воплощение в этой русской сказке, где идея разрушительности злобы, зависти, коварства и противопоставленной им всепобеждающей, преобразующей силы любви, благодарности, верности воплощается в соответствии с жанровыми канонами волшебной сказки: чары колдуньи, обратившей красавца-царевича в безобразное чудовище, разрушены, герои обретают заслуженное счастье. В записанной в соседнем с Новосokolьническим Локнянском районе версии сюжета «Аленький цветочек» источник страданий героя, причина его отталкивающей внешности и злоключений не в кознях злой ведьмы, а в том, что его мать «прокляла, когда [он] ещё в утробе был». (Локн. Исаково 1982) [3, с. 74–75]. Текст сказки не дает возможности судить, идет ли речь о непреднамеренном, случайном, проклятии или о проклятии будущей матерью нежеланного ребенка. Включенный в концовку сказки мотив проклятого в утробе младенца вводит ее в одну сюжетно-тематическую группу с существующими в восточнославянской традиции бывальщинами о злоключениях людей, еще до рождения проклятых матерями, и избавлении их от проклятия. Такова бывальщина, в которой еще до рождения проклятого своей матерью и вследствие этого уже взрослым уведенного нечистым в подводный мир мужа спасает только любящая, готовая на самопожертвование жена. Попытки отца и матери выручить его из-под власти нечистого остаются безуспешными, т. к. родители не готовы ради спасения сына прыгнуть в прорубь, что, не задумываясь, совершает жена: «Друг мой сердечной, закон неразлучной! Теперь я от тебя не отстану! <...> Ты в воду, и я за тобой!» [27, с. 315–316]. Бывальщины о проклятых в утробе матери публикует В. И. Даль в своем труде «О поверьях, суевериях и предрасудках русского народа» [28, с. 377, 421].

Заклюаение. Хорошо известно, что одной из важнейших особенностей фольклора является его вариативность. Тем ценнее оказываются собрания текстов, отражающих состояние фольклорной традиции одного региона. Сбор, систематизация и публикация мифологических рассказов псковско-белорусского пограничья вносит свой весомый вклад в общую систему представлений о духовной культуре восточных славян.

Как показало исследование мифологических рассказов южной Псковщины, система мифологических персонажей и их атрибуты в целом характерны для других исследованных регионов. Вместе с тем опубликованные псковские материалы отражают черты локальной традиции и вписываются в псковско-белорусский континуум. Так, например, сюжет единичного в псковских материалах этнологического повествования о происхождении кукушки и ее кукования характеризуется местной особенностью и одновременно другими своими чертами соответствует белорусской традиции. Дальнейший сравнительный анализ, как представляется, может выявить и более глубокие черты сходжений в южнопсковском и белорусском материале.

Рассматривая в статье тему проклятия, распространяющегося на детей, мы не касаемся вопроса о злопожеланиях как речевом акте, не комментируем проклятие как речевую формулу – эти и другие лингвистические вопросы могут представлять исследовательскую перспективу; см.: [29, 30].

Детская тема, рассмотренная в статье, отражает сам дискурс повествования, пронизанного мифологическим представлением о мире, о связи языка и мышления, слова и образа, выступающих в единстве. Не случайно из всех персонажей присутствие именно черта в дискурсе рассказов о детском проклятии. Упоминание черта коррелирует с употреблением «черного слова», что равноценно может негативно сказаться на здоровье и самой жизни ребенка. Бранное слово, намеренное или неосторожно сказанное, обладает неотвратимой силой воздействия: «Раньше старики всё говорили: “Лучше побей ребёнка, чем худым словам назови: счастье отнимаешь!”» (Нев. Щербино 1979). Если рассматривать мифологические рассказы о детях в аспекте народной педагогики, то они оцениваются не просто как «страшилки», но как назидательный элемент, скрытое поучение, направленное на обеспечение безопасности человека в традиционном сообществе.

Список использованных источников

1. Мифологические рассказы псковско-белорусского пограничья : Монография. В 2 ч. – Ч. 1 : Тексты. Комментарии. Исследования. Аудиоприложение / Автор-составитель Г.И. Плошук; ред. Н.В. Большакова. – Псков : ЛОГОС, 2021.
2. Псковская Масленица: образы, символы, коммуникация (с аудиоприложением) : Монография / Под ред. Н. В. Большаковой. – Псков : ЛОГОС Плюс, 2015. – 176 с.
3. Народные сказки Псковского края : Монография. В 2 ч. – Ч. 1: Тексты. Комментарии. Исследования. Аудиоприложение / Под ред. Н. В. Большаковой, Г. И. Плошук. Составители : Н. В. Большакова, Л. Б. Воробьева, З. В. Митченко, М. И. Муратова, Г. И. Плошук. – Псков : ЛОГОС, 2016. – 618 с.
4. Народные сказки Псковского края : Монография. В 2 ч. – Ч. 2: Указатели. справочные материалы. Нотное приложение / Под ред. Н. В. Большаковой. Составители : Н. В. Большакова, Л. Б. Воробьева, Н. А. Мартынова, З. В. Митченко, М. И. Муратова, Г. И. Плошук. – Псков : ЛОГОС, 2016. – 144 с.
5. Великая Отечественная война в зеркале народной речи и фольклора : Тексты. Исследования. Аудиоприложение / Под общ. ред. Н. В. Большаковой; Составители : Н. В. Большакова, М. И. Муратова, Г. И. Плошук (ПсковГУ); В. А. Лобач (Полоцкий ГУ). – Псков : ЛОГОС, 2016. – 332 с.

6. Айвазян, С. Г. Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах / С. Г. Айвазян // Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. – М. : Наука, 1971. – С. 36–41.
7. Зиновьев, В. П. Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин / В. П. Зиновьев // Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В. П. Зиновьев. – Новосибирск : Наука, 1987. – С. 305–321.
8. Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. Т. 1 : Люди со сверхъестественными свойствами / Сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. – М. : Языки славянских культур, 2010. – 848 с.
9. Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. Т. 3 : Мифологизация природных явлений и человеческих состояний / Сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. – М. : Издательский Дом ЯСК, 2012. – 800 с.
10. Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. Т. 2 : Демонологизация умерших людей / Сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская – М. : Издательский Дом ЯСК, 2012. – 800 с.
11. Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. Т. 3 : Мифологизация природных явлений и человеческих состояний / Сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. – М. : Издательский Дом ЯСК, 2016. – 832 с.
12. Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. Т. 4 : Духи домашнего и природного пространства. Нелокализованные персонажи / Сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. – Изд. 2-е. – М. : Издательский Дом ЯСК, 2020. – 832 с.
13. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1995–2012.
14. Плошук, Г. И. Мифологические рассказы Псковско-Белорусского пограничья о лешем (по материалам фольклорного архива Псковского государственного университета) / Г. И. Плошук // Псковские говоры и их исследователи (к 100-летию со дня рождения С. М. Глушкиной и 50-летию выхода 1 выпуска «Псковского областного словаря с историческими данными»): в 2 ч. – Ч. 1 / Под ред. Н. В. Большаковой, Л. Я. Костючук. – Псков : ЛОГОС, 2017. – 420 с. – С. 258–271.
15. Плошук, Г. И. Мифологические рассказы и поверья Псково-Белорусского пограничья о водяном / Г. И. Плошук // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». Вып. 9. – Псков : Псковский государственный университет, 2019. – 187 с. – С. 36–46.
16. Плошук, Г. И. Дух жилья в мифологической традиции Псково-Белорусского пограничья / Г. И. Плошук // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». Выпуск 10. – Псков : Псковский государственный университет, 2019. – 114 с. – С. 30–40.
17. Плошук, Г. И. Русалки в представлениях населения псковско-белорусского пограничья / Г. И. Плошук // Культурный ландшафт пограничья: прошлое, настоящее, будущее / Сб. материалов III Международной научной конференции 27–29 сентября 2018 года в г. Пскове / Под ред. Н. В. Большаковой, А. Г. Разумовской. – Псков : Логос, 2020. – 357 с. – С. 189–208.
18. Соловьева, Я. Ю. Народная проза о детях, отданных нечистой силе (сюжетный состав и жанровые реализации) / Я. Ю. Соловьева : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2012.
19. Янович, Е.И. Текстовая структура и формуляр белорусских народных проклятий / Е. И. Янович // Язык и этнический менталитет : Сб. науч. трудов. – Петрозаводск, 1995. – С. 55–60 (175–180).
20. Агапкина, Т. А. Дерево / Т. А. Агапкина // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. – Т. 2 / Под ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1999. – С. 60–66.
21. Кушкова, А. Н. Крестьянские рассказы о родительском проклятии (по материалам Новгородской, Псковской и Вологодской областей) / А. Н. Кушкова // Folklorica / Journal of the Slavic and East European Folklore Association. Vol. XI. 2006. – P. 5078. // <https://rudocs.exdat.com/docs/index-176699.html>
22. Трушкина, Н. Ю. Проклятый ребенок в несказочной прозе Ульяновской области / Н. Ю. Трушкина // Традиционная культура : Научный альманах. – Т. 3. – № 4 (8). – 2002. – С. 24–37.
23. Виноградова, Л. Н. Подмыш / Л. Н. Виноградова // Славянские древности : Этнолингвистический словарь : В 5 т. – Т. 4 / Под ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 2009. – С. 98–103.
24. Гура, А. В. Кукушка / А. В. Гура // Славянские древности: Этнолингвистический словарь : В 5 т. – Т. 3 / Под ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 2004. – С. 36–40.
25. Легенды Псковской области: Монография. В 2 ч. – Ч. I: Народные христианские легенды, легенды-«былички» : Тексты. Комментарии. Исследование / Сост., вступ. ст. и коммент. Л. А. Юрчук, подгот. текстов Л. А. Юрчук, И. В. Казаков. – Псков : ЛОГОС, 2019 – 360 с.
26. Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра. В 2 т. – СПб.; Псков : ОЦНТ, 2002. – Т. I. – 688 с. – Т. II. – 816 с.
27. Афанасьев, А. Поэтические воззрения славян на природу / А. Афанасьев. В 3 т. – Т. III. – М. : Индрик, 1994. – 840 с.
28. Даль, В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа / В. И. Даль – СПб. : Литера, 1994. – 480 с.
29. Березович, Е. Л. Наименования нечистой силы в русских проклятиях / Е. Л. Березович, О. Д. Сурикова // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2020. – № 67. – С. 5–27.
30. Березович, Е. Л. Названия болезней в русских проклятиях / Е. Л. Березович, О. Д. Сурикова // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : Материалы IV Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 9–13 сентября 2019. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. – С. 37–40.

Сокращения

Вл. – Великолукский район Псковской области; Кун. – Кунинский район; Локн. – Локнянский район; Нев. – Невельский район; Н-Сок. – Новоскольнический район; Пуст. – Пустошкинский район; Себ. – Себежский район; Усв. – Усвятский район.

MYTHOLOGICAL FOLKLORE PROSE AS A FORM OF REFLECTION OF THE ARCHAIC UNDERSTANDING OF THE WORLD (TO THE PUBLICATION OF MYTHOLOGICAL STORIES OF THE PSKOV-BELARUSIAN BORDERLAND)

N. BOLSHAKOVA, G. PLOSHCHUK

The article is devoted to the results of the research of the complex of expedition texts of non-fabulous folklore prose of the southern and south-eastern historical and cultural zones of Pskov region, bordering the territory of Belarus. The tradition of mythological stories is revealed on the material of more than 350 texts from the Pskov folklore and ethnographic archive. The collection of expedition texts and their scientific description are presented in the published monograph "Mythological Stories of the Pskov-Belarusian Borderland" (Pskov, 2021). The article introduces the basic principles of the publication of non-fabulous folklore prose of this region, on the basis of authentic narrative discourse reveals the features of the mythological consciousness of the bearers of the old tradition, shows signs of the transformation of cultural and linguistic forms by the end of the 20 – beginning of the 21 century. The article focuses on the theme of childhood in the discourse of mythological narrative. The involvement of children in the mythological sphere, the ways of mastering the local mythological tradition and the world picture presented by the younger generation are shown in it.

Key words: mythological stories, Pskov-Belarusian frontier, curses, cursed children, mythological consciousness.

УДК 39.01(=161.3)+39.01(=172)](091)

БЕЛАРУСЫ І ЛІТОЎЦЫ НА ЭТНАГРАФІЧНЫХ КАРТАХ ХІХ СТАГОДЗЯ

Внуковіч Ю.І.

Рэспубліка Беларусь, Мінск

У артыкуле разглядаецца выяўленне беларусаў і літоўцаў на этнаграфічных картах ХІХ ст. На прыкладзе карт П.І. Кёпена, Р.Ф. Эркerta, А.Ф. Рыціха паказаны змены ў афіцыйных практыках класіфікацыі гэтых народаў як раўназначных этнічных катэгорый.

Ключавыя словы: беларусы, літоўцы, этнічныя карты, этнаграфія, картаграфія, этнічная катэгарызацыя, ХІХ ст.

Згодна з вядомым амерыканскім тэарэтыкам нацыяналізму Б. Андэрсанам, які разглядаў нацыю як сацыяльна сканструяваную супольнасць, вылучэнне і класіфікацыя вялікіх груп людзей (на падставе пэўных прыкмет) патрабуе спецыфічных спосабаў мыслення іх адрознення і атаясамлення. Аднымі з галоўных інструментаў такога “ўяўлення” народаў, што атрымалі сваё пашырэнне ў ХІХ ст. у вялікіх каланіяльных дзяржавах, сталі друкаваныя карты, перапісы насельніцтва і музеі [1, с. 266–300]. Усе яны былі цесна ўзаемазвязаныя паміж сабой і аказалі непасрэдны ўплыў на распрацоўку навуковых прынцыпаў ідэнтыфікацыі, катэгарызацыі і класіфікацыі (паводле Б. Андэрсана, “граматыкі”) тагачасных народаў.

Структураваць уяўленні аб этнічнай спецыфіцы тэрыторыі Расійскай імперыі ў ХІХ ст. закліканы былі так званыя “этнаграфічныя карты”¹. Іх стварэнне вымагала вызначэння дакладных тэрытарыяльных межаў рассялення народаў, што, у сваю чаргу, складана было зрабіць без адпаведных статыстычных даследаванняў, а таксама без параўнальнага вывучэння спецыфічных рыс мясцовых культур, каб пасля можна было аднесці іх носьбітаў да той або іншай этнічнай супольнасці. У рэшце рэшт, даволі складаная абстракцыя адрознення і атаясамлення народаў у сярэдзіне ХІХ ст. атрымала сваё выразнае аформленне і спрошчанае выяўленне ў выглядзе этнаграфічных карт і атласаў.

Мэта гэтага артыкула – прасачыць змены ў этнічнай катэгарызацыі беларусаў і літоўцаў на прыкладзе іх выяўлення на этнаграфічных картах ХІХ ст. Пры гэтым мы не ставім задачу разгледзець праблему вызначэння “этнічных тэрыторый”, разнастайныя аспекты якой дастаткова дэталёва разгледжаны ў межах асобных нацыянальных гістарыяграфій, а канцэнтруем увагу на афіцыйных картаграфічных практыках фармалізацыі і кадыфікацыі этнічных катэгорый “беларусы” і “літоўцы”.

Падрыхтоўка і выданне першых этнаграфічных карт Расійскай імперыі былі звязаныя з дзейнасцю магутнай навуковай установы – Рускага геаграфічнага таварыства (РГТ)², заснаванага ў 1845 г. у Санкт-Пецярбургу. Ужо ў 1846 г. Савет таварыства зацвердзіў прапанаваны акадэмікам П.І. Кёпенам план выдання першай этнаграфічнай карты еўрапейскай часткі Расіі і вылучыў на гэта немалыя сродкі [3, с. 8]. У 1848 г. чарнавік карты быў гатовы, а ў 1851 г. карта выйшла з друку [4]. Пасля хуткага распродажу ўсяго тыражу, у 1852 г. яна была перавыдадзена другі раз, а ў 1855 г. – трэці. Гэтая карта стала першай этнаграфічнай картай Расійскай імперыі, надрукаванай масавым тыражом [3, с. 9]. Прынята таксама лічыць, што “Этнаграфічная карта Еўрапейскай Расіі” П.І. Кёпена аказала ўплыў на ўсе наступныя расійскія і замежныя этнічныя карты і атласы [5, с. 172].

¹ У наш час карты, на якіх паказана рассяленне народаў, таксама прынята называць “этнічнымі картамі”.

² Як вядома, дзейнасць РГТ, скіраваная ў тым ліку на вывучэнне этнічнай разнастайнасці зямель былога Вялікага Княства Літоўскага, шмат у чым была абумоўлена гістарычным кантэкстам і палітычнай кан’юнктурай: прыярытэтным для яго было вырашэнне ў першую чаргу практычных дзяржаўных задач, якія паўставалі на шляху легітымізацыі, умацавання і пашырэння расійскай улады ва ўсіх кутках імперыі. Ад самага пачатку ў цэнтры ўвагі членаў таварыства апынуліся пераважна ўсходнія славяне (у тагачаснай тэрміналогіі – “рускія”), цікавасць да іншых падданных імперыі была прыкметна меншая. Аднак важна тое, што падыход, з дапамогай якога гэтая інстытуцыя імкнулася даследаваць “рускую народнасць”, як “модульны” з цягам часу быў пераняты і для вывучэння іншых этнічных груп [2, р. 46–47]. У значнай меры гэта прадвызначыла агульныя крытэрыі іх вылучэння, класіфікацыі і катэгарызацыі.

МІНІСТЭРСТВА АДУКАЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

УСТАНОВА АДУКАЦЫІ
«ПОЛАЦКІ ДЗЯРЖАЎНЫ ЎНІВЕРСІТЭТ»

**БЕЛАРУСКАЕ ПАДЗВІННЕ:
ВОПЫТ, МЕТОДЫКА І ВЫНІКІ ПАЛЯВЫХ
І МІЖДЫСЦЫПЛІНАРНЫХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ**

Зборнік артыкулаў
V міжнароднай навуковай канферэнцыі
(Полацк, 15–16 красавіка 2021 г.)

Пад агульнай рэдакцыяй
канд. гіст. навук, дац. А.І. Корсак;
канд. гіст. навук В.У. Чараўко;
канд. гіст. навук, дац. У.Я. Аўсейчыка

Наваполацк
Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт
2021

УДК 343.13(063)
ББК 67.410.2я431

Рэкамендаваны да выдання саветам гуманітарнага факультэта
Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта (пракакол № 3 ад 29.03.2021)

Рэдакцыйная калегія:

А.І. Корсак, канд. гіст. навук, дац. (адк. рэд.), заг. каф. гісторыі і турызму Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта;
В.У. Чараўко, канд. гіст. навук, дац. каф. гісторыі і турызму Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта;
У.Я. Аўсейчык, канд. гіст. навук, дац., дац. каф. гісторыі і турызму Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Рэцэнзенты:

С.В. Кулінок, канд. гіст. навук, заг. аддзела публікацый Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь;
Т.А. Джумантаева, канд. культуралогіі, дац., дырэктар Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка.

Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў : зб. арт. V міжнар. навук. канф., Полацк, 15–16 крас. 2021 г. / Полац. дзярж. ун-т ; пад агульн. рэд. А.І. Корсак (адк. рэд.), В.У. Чараўко, У.Я. Аўсейчыка. – Наваполацк : Полац. дзярж. ун-т, 2021. – 272 с.
ISBN 978-985-531-737-2.

У зборніку змешчаны навуковыя артыкулы па выніках работы V міжнароднай навуковай канферэнцыі “Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў”. Прадстаўлены вынікі антрапалагічных і археалагічных даследаванняў Беларускага Падзвіння і сумежных тэрыторый. Прыведзены новыя даныя аб гістарычных лёсах, матэрыяльнай і духоўнай спадчыне рэгіёна Паўночнай Беларусі ў шырокім храналагічным кантэксте (ад першабытных часоў да сучаснасці).

Разлічаны на прафесійных гісторыкаў, археолагаў, этнолагаў, антраполагаў, мастацтвазнаўцаў, студэнтаў гістарычных спецыяльнасцей ВНУ, кразнаўцаў і ўсіх, хто цікавіцца гісторыяй Беларусі.

УДК 343.13(063)
ББК 67.410.2я431

Навуковае выданне

**БЕЛАРУСКАЕ ПАДЗВІННЕ:
ВОПЫТ, МЕТОДЫКА і ВЫНІКІ ПАЛЯВЫХ
і МІЖДЫСЦЫПЛІНАРНЫХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ**

Зборнік артыкулаў
V міжнароднай навуковай канферэнцыі
(Полацк, 15–16 красавіка 2021 г.)

Адказны рэдактар *А. І. Корсак*

Тэхнічнае рэдагаванне і камп'ютарная вёрстка
І. М. Чапкевіч
Дызайн вокладкі *М. С. Мухаморавай*

Падпісана да друку 20.05.2021. Фармат 60×84 ¹/₈. Бумага афсетная. Рызаграфія.
Ум. друк. арк. 31,63. Улік.-выд. арк. 32,96. Тыраж 70 экз. Заказ 810.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:
установа адукацыі «Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі
выдаўца, вырабніка, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў
№ 1/305 ад 22.04.2014.

ЛП № 02330/278 ад 08.05.2014.

Вул. Блахіна, 29, 211440, г. Наваполацк.